

УДК 940.5(430) «1919-1932»

Западная Европа, США и Канада во внешней культурной политике Германии в годы Веймарской республики (1919–1932 гг.)

В.А. Космач

Западная и Юго-Западная Европа

Заметный крен Германии в области внешней культурной политики в пользу «восточного варианта» вовсе не исключал желания и готовности Берлина к духовно-культурным инициативам на Западе. Поэтому есть смысл говорить и о «западном варианте» во внешней культурной политике Веймарской республики, где, однако, Германии в 1919-1932 гг. приходилось действовать в довольно специфических условиях и поэтому делать ставку на иные, более спокойные, лишенные пропагандистских мотивов и содержания формы и методы внешней культурной политики.

Что касается специфики условий, то во-первых, в этом регионе располагались государства и народы, культура и наука которых были или равнозначны немецкой, или превосходили ее (Франция, Англия, Италия и др.). Во-вторых, именно из этого региона через Лигу Наций направлялась против Германии политика «тотального молчания», бойкота вокруг немецкой науки и культуры в сочетании с мощной культурно-пропагандистской кампанией на тему о единоличной ответственности Германии за войну. Наконец, в-третьих, Англия, Франция, Италия и США имели, несомненно, более богатый опыт во внешней культурной политике и мощные зоны влияния практически во всех регионах мира, что не учитывать в «западном варианте» собственной внешней культурной политики Берлину было бы просто непростительно. Однако имелись проблемы, опыт работы над которыми на Востоке мог пригодиться и в работе на Западе. В первую очередь, и прежде всего, это духовно-культурные инициативы среди немцев за границы в этом регионе, которые были не менее необходимы и оправданны, по мнению Берлина, чем на Востоке.

В Западной Европе на первом месте в планах германской внешней культурной политики и культурных инициативах Берлина находилась Франция, а в Юго-Западной Европе – Австрия и Швейцария. Заметим, что именно сюда, в этот регион были направлены устремления только что созданного культурного отдела германского МИДа. В 1922 г. по его инициативе прошли гастроли немецких певцов и музыкантов в Дании, Англии, Франции и Швейцарии [1]. В этом же году в Амстердаме и Лондоне с успехом выступал профессор, историк театра Оскар Фишель из Берлинского университета. Тог-

да же появилась первая возможность показать немецкое искусство за границей. Прошло это в Италии, куда Германия была приглашена на международную выставку, где был снова восстановлен немецкий павильон. На сей раз в нем расположились картины из Дрезденской государственной галереи. В ходе выставки перед многочисленными посетителями немецкого павильона выступал ее директор – доктор Поссе [2].

В 1923 г. прусская Академия искусств, продолжая начатое, с помощью ее первого постоянного секретаря профессора Амерсдорфера устроила художественную выставку в Риме. В следующем году Швейцария встречала выставку картин художественной галереи из Карлсруэ во главе с ее директором доктором В. Шторком. В 1925 г. Лондон принимал немецкое искусство древнего и новейшего времени. В этом же году проф. Хаберман из Мюнхена возил выставку картин и пластики в Рим. Тогда же художественные выставки из Германии были показаны в Испании и Швейцарии.

Во второй половине 20-х гг. Берлин и земли продолжили «духовное освоение» Западной и Юго-Западной Европы еще более активно. В 1926 г. работы из музеев Берлина, Мюнхена, Дрездена и Штутгарта были показаны в Австрии и Италии. Жители этих стран увидели редкие шедевры немецкой художественной культуры и могли послушать выступления известных специалистов и знатоков немецкого искусства – генерального директора Баварской государственной галереи, тайного советника Дернхоффера и директора Берлинской высшей школы искусства профессора Бруно Пауля [2, S. 254]. В 1928 г. графическая выставка работ директора Государственной библиотеки искусств в Берлине профессора Шлаферса была показана во Флоренции. И подобных приемов очень много на протяжении всей второй половины 20-х годов и вплоть до прихода нацизма к власти.

Кроме художественных выставок в это время Берлин пытался в максимально большем объеме делать ставку на музыку, гастролы певцов и музыкантов, театральных коллективов, экспорт немецкого кино. Достаточно взять один лишь только «Художественный альманах» за 1932 год, чтобы убедиться в этом, поскольку в начале 30-х гг. культурные инициативы Веймарской Германии на Западе и в США через театральную сцену, концерты, кино, радио достигли пика. Мы обработали информацию о зарубежных гастролях известных на то время в Германии театральных певцов и танцоров из вышеуказанного альманаха и свели их к небольшой таблице, которая подтверждает наши наблюдения [3].

Отметим при этом, что мы взяли далеко не полный перечень оперных певцов и танцоров Германии, которые гастролировали в странах Западной Европы и в США. Следует заметить также, что демократическая Веймарская республика хорошо принимала, будучи сама активной в области внешней культурной политики, искусство и культуру других стран Западной Европы. Велик при этом был интерес к французской живописи. Так, в Дрездене в 1925 г. осенью пришла выставка французских импрессионистов. Тогда же Берлин принимал французский выставочный павильон «Французские импрессионисты», включавший 60 произведений из лучших частных коллекций, в том числе 12 картин К. Моне [4]. Одновременно искусствовед С. Швабахер в журнале «Искусство» подготовила информацию для немецкого читателя о крупнейшей выставке «50 лет французской живописи. 1875-1925» в Париже [5, Nr. 2. S. 14-15].

Гастроли немецких певцов и танцоров в 1932 г.

№	Певцы и танцоры	Место постоянной работы	Гастроли
1.	Лауренц Хофер	Дом оперы в Дюссельдорфе	Лондон, Мадрид, Женева, Базель...
2.	Пауль Райнеке	Опера во Франкфурте-на-Майне	Барселона, Женева, Копенгаген и др.
3.	Тео Шрак	Театр земли Карслуэ	Прага, Париж, Чикаго
4.	Рудольф Бокельман	Государственный театр в Гамбурге	Лондон, Чикаго
5.	Иос Грёнен	Государственный театр в Гамбурге	Лондон, Чикаго
6.	Ганс Швеска	Опера в Хемнице	Вена и др.
7.	Ганс Томечек	Государственный театр в Марбурге	Амстердам и др.
8.	Франко Тибильди	Государственный театр в Касселе	Грац, Триест и др.
9.	Рудольф Лазер	Государственная опера в Нюрнберге	Париж, Роттердам
10.	Г. Боок-Либман	Опера в Кёльне	Вена, Бухарест
11.	Ульза Бринк	Современная и классическая песня, Берлин	Париж, Копенгаген
12.	Лиа Фульдауер	Государственный театр в Мюнстере	Париж
13.	Филин Гард	Театр Дессау	Амстердам, Ницца, Париж, Лион
14.	Элен Петц фон Клеве	Дрезденская опера	Париж, Брюссель, Антверпен

В 1926 году в Париже прошла международная встреча знатоков современного и древнего искусства, на которой присутствовала немецкая делегация во главе с В. Штенгельсом [5]. Годом ранее в журнале «Искусство и художники» появилась статья Карла Шеффлера о французской живописи, где автор выражал надежду на то, что немцы когда-нибудь смогут ее увидеть в наиболее полном виде [5, Nr. 1. S. 26-28].

К концу 20-х гг. духовно-культурные инициативы Веймарской Германии в Европе достигли такого уровня, что официальная внешняя культурная политика Берлина стала все более нуждаться в частной поддержке. В связи с этим обратил внимание на активность «Германского общества искусств» в Берлине, основанного в 1929 г. на частной основе под председательством князя Шенбурга-Вальденбурга, которое уже через довольно короткое время установило контакты с более чем 20 государствами в области художественного обмена и сотрудничества. На 1931-1932 гг. культурный отдел герман-

ского МИДа выделил обществу, будучи заинтересованным в его активной деятельности, 173 тыс. рейхсмарок [6].

Продолжая французскую тему в германской внешней культурной политике, отметим, что взаимные симпатии немецких и французских ученых, а также литераторов и деятелей культуры в годы Веймарской республики были довольно сильны. Многие из них, как истинные интеллигенты, стояли выше политики и выступали за активное сотрудничество и сближение двух культур [7]. Официальный Берлин не мог не замечать этого. Но в то же время наблюдалось значительное отчуждение и даже враждебность к оправданности и необходимости двухсторонних германо-французских контактов в области науки и культуры.

Проблемы и трудности в германо-французском духовном обмене возникали также иногда по чисто финансовым обстоятельствам. В 1925 г., например, в Берлине появилось 265-страничное издание под названием «Германия и Франция. Их хозяйство и их политика. Новые последствия». Для нас представляет интерес приводимое здесь письмо Виктора Баша к Р. Кучинскому – издателю и редактору «Германо-французской хозяйственной корреспонденции» [8]. В самом начале своего послания В. Баш подчеркивал мысль о том, что он постоянно думает «о трудностях, которые возникли в настоящее время в духовном сотрудничестве между Францией и Германией» [8, с. 168]. На его взгляд, они во многом объясняются стабилизацией немецкой марки, после чего за один маленький немецкий журнал стоимостью в 50 пфеннигов приходится платить 2,25 франка. В политических и культурных интересах, подчеркивал В. Баш, Германии следует строить свою культурную политику так, чтобы книги немецких ученых и писателей покупали во всех странах мира, особенно во Франции, для чего германское правительство должно во имя активнейшего распространения книг за границей пойти на своеобразную жертву – оно «вынуждено предусмотреть для пропаганды немецкой науки, немецкой литературы, немецкого искусства в бюджете рейха суммы, и чем больше, тем лучше» [8, с. 169].

Делали проблематичными культурные связи Германии и Франции чувства традиционной взаимной подозрительности, которые складывались и оформлялись веками в ходе многочисленных конфликтов и войн из-за территорий, что, несомненно, вносило свои трудности в реализацию тех или иных задач в области германской внешней культурной политики. Интерес в связи с этим представляет беседа корреспондента немецкого журнала «Западная Европа» с Луцием Ромиром, крупным госиздателем, советником многих известных политиков и человеком, близким к Р. Пуанкаре. Л. Ромир подчеркивал в разговоре, что европейская цивилизация и ее культура могли бы сберечь силы Германии, но этому во многом мешают отношения между Берлином и Парижем, они «явно отягощены конфликтом моральных и интеллектуальных чувств» [9]. Французы не имеют ни грамма ненависти в своих душах по отношению к немцам, но территориальный спор тяготит уже давно оба народа. Сожалели о сложившейся ситуации в германо-французских отношениях и духовном обмене многие немецкие ученые и представители творческой интеллигенции, считая, что все неприятности, которые есть в контактах между Германией и Францией, во многом объясняются элементарным незнанием друг друга. Отражением подобных настроений стала статья доктора Фридриха Хирта «Сегодняшняя Франция»

в «Минерве-журнале», где автор подчеркивал желание многих немцев в «живом знании и познании Франции, ее творческих и духовных сил» [10].

К середине 20-х годов в Германии и во Франции появились силы, заинтересованные в быстрейшем снятии недоверия в германо-французском культурном обмене. В «Документах германской внешней культурной политики» (серия Б. 1925-1933 гг.) мы нашли анонимную записку, датированную 7 декабря 1925 г., в которой шла речь о необходимости создания в самое ближайшее время Германо-французского информационного комитета по разъяснению общественного мнения обеих стран [11]. Предполагалось открыть в Берлине и Париже два информационных бюро, на что необходимо было собрать 650 тыс. марок. МИД Германии не возражал против этого при условии, что до Франции будет доходить правдивая информация о германской политике, хозяйственной жизни и культуре. Обратим внимание на то, что инициатива создания Германо-французского информационного комитета принадлежала фирме Круппа. Ее представитель Брунн считал, что подобный проект будет способствовать духовному взаимопониманию и культурному сотрудничеству немцев и французов. 30 марта 1926 г. в письме фон Бюллову Брунн писал, что вышеназванная идея нашла много сторонников во Франции и Германии, в том числе среди парламентариев и членов НННП. С немецкой стороны были названы граф Терринг, Фр. фон Рихтхофен, Ф. Тиссен, П. Рейш и А. Нойхауз [11, с. 447-447].

1 июня 1926 г. немецкий посол в Люксембурге фон Гюлих сообщал в Берлин, что там прошло первое заседание германо-французского информационного комитета под председательством крупного магната Эмиля Майриша. Было принято решение о том, что комитет начинает действовать и что французское информационное бюро в Берлине возглавит Виенот, а немецкое в Париже – Густав Крукенберг. С немецкой стороны в состав информкомитета вошли профессор Брунн из Берлина, проф. Е.Р. Курциус из Гейдельберга, тайный советник Ф. Дейч, профессор Ф. Шмидт-Отт, Ф. Тиссен и другие [11, с. 560-562]. Подчеркивалось при этом, что главная задача Германо-французского информационного комитета – обслуживание политических, хозяйственных и культурных связей обеих стран.

Аналогичные шаги предпринимались с частной стороны. 13 января 1927 г., например, министерский директор германского МИДа Кепке в своей записке отмечал, что писатель Отто Граутоф планирует уже давно основать журнал под названием «Германо-французское обозрение» и небольшое германо-французское общество при нем. О Граутоф просил финансовой поддержки МИДа и приветственного слова Г. Штреземана в первом номере нового издания. Кепке подчеркивал, что на Вильгельмштрассе не против выделить на это дело 12 тыс. марок и еще 1 тыс. марок ежемесячно, если издание О. Граутофа будет давать «разъяснения о немецкой духовной жизни современности и подготовит сближение Германии и Франции в культурной области» [11, Bd. 4. S. 53-55]. Однако Германо-французский информационный комитет усмотрел в этой инициативе своего конкурента и отрицательно высказался в отношении планов О. Граутофа, о чем было сообщено из Берлина германскому послу в Париже Л. Хоэшоу [11, с. 135].

Любопытная картина наблюдалась в германо-французском сотрудничестве в области кино, которое со второй половины 20-х гг. заметно активизировалось, как и проникновение немецкого кино на французский кинорынок, о чем свидетельствуют найденные нами данные Национального архива Республики Беларусь [12]:

Французский кинорынок в 1924-1930 гг.

Страны	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Франция	68	73	55	74	94	52	145
Америка	589	577	444	368	313	211	237
Германия	20	29	33	91	122	130	111
Италия	9	13	14	10	7	3	2
Россия	1	--	1	10	4	9	2

Эти же тенденции фиксировали в 1930 г. информационные бюллетени «Межробпома», отмечая, что во французском киноимпорте участие Германии значительно повысилось [12, Д. 238. Л. 81]. Если в 1927 г. во Францию было ввезено 368 американских, 91 немецкая и 8 английских кинофильмов, то в 1928 – 131, 122 и 23 соответственно.

5 ноября 1929 г. в Белгоскино из Москвы поступила информация о том, что «французское кино находится в большой зависимости от американских фирм, поставляющих около 80 % фильмов, показываемых в кинотеатрах» [12, Д. 166. Л. 5]. Предпринятые французским правительством меры в 1927-1928 гг. по ограничению ввоза иностранных фильмов «встретили со стороны американцев сопротивление и угрозу снять со снабжения французский рынок, в результате чего большинство кинотеатров Франции должно было бы закрыться из-за отсутствия картин» [12. Л. 5]. Это вынудило Париж, подчеркивалось в информации, искать фильмы, которые они могли бы противопоставить «американским и частично их заменить». Осенью 1928 г. в Берлин приезжала представительная французская делегация, в состав которой, кроме министра и просвещения Э. Эррио, входили председатель «Шамбр-Синдикаль Синематографии» де-Лак и ее бывший председатель Обер, владелец одной из крупнейших французских кинопрокатных фирм, «для переговоров с немецкими киноорганизациями» [12. Л. 5].

«В результате состоявшихся в Берлине знакомств и переговоров между данной группой и фото-кино отделом Товарищества в Германии в октябре 1928 г. Товариществом во Франции был заключен договор с фирмой Обер на совместную эксплуатацию советских картин во Франции и Бельгии, – информировала Москву Белгоскино. – Срок договора 3 года. Фирма обязана в течении 1-го и 2-го года отобрать и выпустить в прокат минимум 8 картин в год, и в 3-й год – минимум 10 картин. Наша доля выручки по картине гарантирована в размере минимум 3000 долларов... В счет этого договора фирмой пока отобраны фильмы «Земля плену» – Межрабпом-фильм, «Капитанская дочка» – Совкино и «Конец С.-Петербурга», которые подготавливаются для предоставления в цензуру [12, Л. 5]. Таким образом, как видно из архивных материалов, улучшавшийся кинообмен между Германией и Францией становился неожиданно выгодным, в случае полной реализации проекта, Советскому Союзу и его кино. Однако американцы в создавшейся щекотливой для них ситуации не собирались упускать инициативу из своих рук.

В октябре 1930 г. советские информационные кинобюллетени сообщали: «Американцы заявили протест французской стороне по поводу соглашения, заключённого французской Синдикаль-камерой и германской Шпитценорганизацией... Американцы

утверждают, что это противоречит соглашению французов с организацией Хейса... Но французская сторона отказывается, и госп. Делака (предс. Синдикаль-камеры) заявил, что чем бы не кончились переговоры с американцами, франко-германское соглашение останется в силе» [12, Д. 238, Л. 2]. В создавшейся спорной ситуации, подчеркивалось далее, следует ожидать «решения германской кино-контрольной комиссии», но «она не раз уже шла на компромисс под давлением американцев» [12, Л. 2]. Заметим при этом, что и Франция также лавировала в подобном положении, опасаясь политических и иных санкций США [12, Л. 13].

Вскоре Берлин и Париж нашли обходной маневр. 14 октября 1930 г. немецкий «Фильм-курьер» информировал своих читателей о следующем: «По сообщению германских газет, германское правительство, располагавшее большинством акций Емельки, продало свой пакет акций концерну, возглавляемому советником Краусом, бывшим акционером Емельки. Сделка совершена при помощи французского капитала в лице Альберта Когана, известного французского финансиста, принявшего также участие в слиянии Франко-Фильм-Гомон-Обер» [12, Д. 266. Л. 19].

В другом случае германский «Дер фильм» 25 октября 1930 г. писал: «Заинтересованные лица, стоящие за банкиром Альбертом Коган, имеют решение сделать из Емельки центр поставленного на широкую ногу германо-французского совместного производства. Емелька, конечно, сохраняет во всяком случае германский характер и будет возглавляться исключительно германским наблюдательным советом, но тесная экономическая связь с кино-Германией, приобретенная теперь группой Когана через Емельку, должна быть использована для того, чтобы сделать возможным как художественное, так и экономическое сотрудничество обеих стран в крупном масштабе... Французская группа, впрочем, надеется, что со временем вся французская кинопромышленность примкнет к этому консорциуму, и что таким образом киносотрудничество между Германией и Францией с явным острием против Америки станет свершившимся фактом» [12, Л. 22].

Как видно из вышеизложенного, социал-демократический концерн «Емелька» становился действенным фактором германо-французского сотрудничества в области кино, направленного против общего конкурента (США) и внутренней реакции в обеих странах. 1 августа 1931 г. английская «Таймс» сообщала: «Официальный отчет о количестве процензурованных фильмов в Германии в продолжение 12 месяцев до 30 июня 1931 г. показывает полное изменение условий мирового рынка, начиная с появления звукового фильма. До 1929 г. каждый второй или третий фильм, показанный в Германии, был американского производства: за истекшие 12 месяцев 12 фильмов из 179 сто-процентных говорящих фильмов, показанных в Германии, были американского производства. Франция теперь гораздо более значительная страна для германского импорта, чем Соединенные Штаты Америки» [12, Д. 269. Л. 9].

20 сентября 1931 г. информационный бюллетень Правления «Совкино» и «Инторгкино» отметил ту же картину: «Франция занимает в настоящее время второе место по производству говорящих фильмов на немецком языке, предназначенных для германского рынка. Соединенные Штаты занимают третье место. Из 176 говорящих фильмов, демонстрировавшихся в Германии в 1930-1931 гг., 124 были сделаны в Гер-

мании, 19 во Франции, 16 – в США, 7 – в Англии, 5- в Чехословакии, 3 – в Австрии и 2 – в Италии» [12, Л. 18].

Иногда обе стороны предпринимали совместные акции антиамериканского характера и содержания. По сообщению «Дэйли фильм рендер» от 2 октября 1931 г., например, «во Франции и Германии запрещена известная американская военная фильма «Ангелы ада», во Франции картина запрещена министерством иностранных дел ввиду протеста немецкого посла. Немецкий посол заявил, что эта фильма враждебна германским интересам» [12, Л. 31].

Как видно из всего этого, германо-французские контакты в области кино, как и культурные связи в целом, к концу 30-х гг. достигли значительного уровня, и если бы не давление США, то они могли бы быть еще более активными и эффективными. Еще один фактор, который осложнял и сдерживал германо-французский культурный обмен, был связан с «немецким вопросом» в Эльзас-Лотарингии и во Франции в целом.

Берлин уделял огромное внимание немецкой диаспоре во Франции. Отметим, что в сводном библиографическом каталоге по немцам за границы, изданном Прусской научной библиотекой в 1925 г., называлось почти 200 публикаций по немцам во Франции [13]. На 1930 г. во Франции проживало 1,6 млн. немцев [14]. Немецкие патриотические издания постоянно муссировали эту проблему, заявляя, что французы противодействуют распространению германской культуры в Эльзас-Лотарингии [15]. В 1929 г. в просмотренных нами обзорах германского министерства внутренних дел по оккупированным Францией провинциям Германии давалась детальная информация по немцам приграничных областей. Здесь же имелся небольшой раздел под названием «культурные ущербы», в котором говорилось часто о «тяжелых культурных потерях» как и типичной судьбе всех немцев приграничных областей, включая Францию [16].

Мы склонны считать, что «немецкий вопрос» в германо-французском культурном обмене присутствовал вне всякого сомнения. Сложнее определить, как строилась германская внешняя культурная политика по отношению к своим соотечественникам во Франции, ибо и Берлин, и Париж постоянно обвиняли друг друга в культурно-пропагандистских акциях, направленных с той или иной стороны на французских немцев. Немецкие архивы, которые были нам доступны, как опубликованные в «Актах германской внешней политики» (серия Б. 1925-1933 гг.), комментируют эту проблему довольно сдержанно и в основном в цивилизованных рамках.

Так, 19 марта 1927 г. в германском МИДе прошло заседание по вопросу об Эльзас-Лотарингии и немецкой диаспоре, проживавшей там. В его работе принимали активное участие руководитель культурного отдела Г. Фройтаг. Участники мероприятия единодушно подчеркивали, что рейх имеет веские интересы к поддержке немецкой культуры и немецкого «фолькстум» в Эльзас-Лотарингии [17].

В этом же году в одной из своих докладных записок, датированной 12 июля, министерский директор германского МИДа В. Цехлин уверял, что Берлину в Эльзас-Лотарингии невыгодно вести культурную пропаганду и что Германия уже давно не занимается этим [Bd. 6. S. 47-48]. Более откровенно ситуацию в Эльзас-Лотарингии по материалам зарубежной печати комментировали информационные бюллетени «Союзкино» в мае 1931 г., отмечая, что «французские прокатчики обеспокоены в Эльзас-

Лотарингии, где немецкие звуковые фильмы получают лучшие предложения, чем французские» [18].

Тесные научные и культурные контакты с Австрией и Швейцарией объясняются не только географической, но и этнической близостью этих государств и народов с Германией, но и богатыми традициями в области духовных обменов. По данным О. Белица, на 1930 г. в Австрии и Швейцарии проживало 6,3 млн. и 2,9 млн. немцев соответственно, что создавало хорошую базу и стимул для культурных и научных связей. Мы также не будем детально касаться их. Заметим лишь, что уже в феврале 1922 г. вопросы культурного взаимодействия с Австрией рассматривались на 173-м заседании рейхстага, на котором выступал Г. Шрайбер, подчеркнувший тесную «культурную общность» Германии и Австрии и призвавший развивать и укреплять научный и культурный обмен между Берлином и Веной [19].

На 79-м заседании 7 июня и 102-м заседании 27 ноября 1929 г. рейхстаг снова специально рассматривал вопрос о духовном сотрудничестве и культурных обменах Германии и Австрии [19, S. 107-108]. Выступивший в рейхстаге Г. Шрайбер подчеркнул, что германская и австрийская культуры принадлежат единой нации. Следует отметить при этом, что сам Г. Шрайбер внес заметный вклад в развитие немецко-австрийских научных и культурных связей. Он был хорошо знаком с австрийскими историками и известными деятелями культуры. Замечен также личный вклад в эту область профессора Ф. Шмидта-Отта. Именно он в 1929 г. предложил основать Организацию австрийско-германской взаимопомощи в науке. Германский МИД сразу же подхватил эту идею и выделил деньги в сумме 125 тыс. рейхсмарок, в т.ч. 50 тыс. рейхсмарок – из культурного отдела. 50 тыс. рейхсмарок на поддержку этого мероприятия направило министерство внутренних дел [19, S. 24-25].

Берлин пытался активно строить научные и культурные связи, используя богатые возможности германской науки и культуры, с Италией, где также находилась многочисленная (300 тыс.) немецкая диаспора и существовала в этой связи проблема Южного Тироля. Естественно, что в «итальянском варианте» германской внешней культурной политики периода Веймарской республики присутствовали минимум два направления – стремление активизировать научный и культурный обмен с Италией и ставка на духовное взаимодействие и поддержку итальянских немцев. В области германско-итальянских научных контактов снова назовем имя и отметим деятельность Г. Шрайбера. Он имел обширные личные контакты с итальянскими учеными, вместе с крупным магнатом И. Симоном входил в попечительский совет института истории искусства во Флоренции [19, S. 54]. Исключительно активным было культурное влияние Германии на Италию (выставки, концерты, музыкальные вечера и гастрольные театральные коллективы и т.д.) [20]. Так, только на одну Вторую международную выставку книги во Флоренции из Германии было приглашено почти 100 немецких книгоиздательских фирм.

В то же время проблема Южного Тироля серьезно осложняла германо-итальянский научный и культурный обмен. Берлин выражал серьезно беспокойство положением немцев в этом регионе. Можно привести в этом плане в качестве примера сообщение германского посла в Риме Брентано от 14 февраля 1928 г., в котором он со-

общал на Вильгельмштрассе информацию о беседах с итальянской стороной по вопросу о немецком религиозном обучении в школах Южного Тироля [21]. В докладной записке руководителя второго отдела германского МИДа Герхарда Кепке от 24 мая того же года в адрес президента рейхстага П. Лебе с беспокойством отмечался тот факт, что «фашистское правительство в Италии проводит последовательно и в большом масштабе политику этнационализации по отношению к немецкому населению Южного Тироля» [21, Bd. 9, S. 85]. Кепке подчеркивал, что дипломатические усилия Берлина в этом направлении не приносят успеха, ибо правительство Германии остается только лишь на позициях «моральной поддержки» южнотирольских немцев. Но даже этот факт вызывает у итальянской стороны массу недовольства.

К началу 30-х годов в германо-итальянском культурном обмене и германской внешней политике по отношению к Италии вверх стали брать антиреспубликанские силы. Свидетельство тому – найденный нами материал в фонде личной канцелярии Гитлера ЦХИДК РФ об основании 21 июля 1931 г. в Мюнхене «Общества германо-итальянского взаимопонимания», в параграфе втором устава которого говорилось: «Общество германо-итальянского взаимопонимания стремится к сближению двух наций, достижению подробной информации культурных кругов по отношению друг к другу, посредничеству в личных контактах, прежде всего в области культуры, хозяйства и искусства, содействию взаимным интересам подобного рода, особенно путем открытых мероприятий, конгрессов, экскурсий, поездок студентов, путем посредничества в школьном и студенческих обменах, путем организации летних лагерей, путем докладов и выступлений» [22]. Первоначальный список общества объединял 63 человека, в их числе были член баварского ландтага, проф. А. Гамангер, тайный советник А. Шверин, писатель Е. Бекман, издатель Г. Брукман, художники Г. Эберс, К. Фабер, К. Хоммель и другие [22, Л. 250].

Говоря о «западном варианте» германской внешней культурной политики, нельзя обойти научные и культурные контакты Веймарской Германии с Испанией. Заметим сразу, что именно Испания после Болгарии на европейском континенте являлась той страной, где немецкая школа и немецкое образование достигли весомых успехов, где наблюдался явный прогресс и значительный сдвиг в области культурной политики в ее внешнем варианте в сравнении с довоенным временем. Немецкая средняя и высшая школа ценились здесь довольно высоко. Особенно привлекали испанцев в Германии и немецких школах в Испании медицина, юриспруденция, филология, техника, искусство и история [23]. Значителен был научный обмен и книгообмен.

Только в одном 1925 г. в Испанию из Германии было завезено книг на сумму в 40. 176 песо, в Германию из Испании – на 46. 800 песо [24]. Годом ранее в Испании с успехом прошла выставка немецкой книги, в ходе которой демонстрировалось 300 томов книг и рукописей. В 1925 г. выставка немецкой книги была показана в Барселоне. На ней представлено более 6 тыс. книг от 165 немецких издательств. Почти 150 испанских библиотек проявил огромный интерес к этой выставке, закупив большое количество необходимой литературы [24, S. 246].

Плодотворно работали различного рода общества научно-технического и культурного обмена. Так, в начале 1923 г. по инициативе германского генерального консула в Испании Ульриха фон Хасселя в Барселоне была организована Немецкая научная по-

средническая контора [25]. Ее самое широкое предназначение заключалось в содействии германо-испанским культурным связям. Непосредственные цели работы конторы выглядели конкретно: научный обмен на двусторонней основе, языковые стажировки, студенческий обмен, распространение научной и художественной литературы. Из испанских ученых, которые симпатизировали и помогали этому учреждению, можно назвать имена профессоров Бош-Гимпера и Йозе Монталиу, финансового директора Йозе Мария Розеля. Из немецких колонистов в Испании в этом деле были активны фабрикант Карлос Фаллин и Отто Шмидтборн. Нельзя не отметить также возникшего в декабре 1926 г. в Испании Комитета по культурным связям с заграницей во главе с министром де Эстадо. Через него также шел активный научный обмен Испании с Германией. Ежегодный бюджет Комитета составлял 500 тыс. испанских песо [25, Berlin, 1927. Nr. 2. S. 41].

«Оба народа, немцы и испанцы, – отмечалось в конце 1926 г. в немецком журнале «Западная Европа», – имеют равные интересы в том, чтобы изо дня в день оформлялось бы на путях науки сближение между испанскими и германскими культурными кругами. Чем теснее они будут сближаться в большом духовном единстве, тем безопаснее они смогут сохранять мир на земле» [26].

В заключении параграфа обратим внимание на одну характерную особенность германской внешней культурной политики по отношению к Англии и государствам Бенелюкса. Отметим попытки Берлина и Лондона наладить двусторонний научный и культурный обмен, а также обучение студентов на взаимовыгодной основе. В качестве примера приведем таблицу по обучавшимся в 20-е гг. в Англии иностранным студентам и заметим, что Германия здесь шла на втором месте, обходя значительно Францию [27].

Иностранные студенты в Англии

Обучалось в Англии:				
Из	1924/25	1926/27	1927/28	1928/29
Германии	78	93	121	156
Франции	42	42	61	64
США	419	447	447	556

Однако мы хотели бы обратить ваше внимание на другое. Культурное сотрудничество Англии, а также Бельгии с Германией, и наоборот, так и не развернулось в полную силу, поскольку обеим сторонам так и не удалось преодолеть тяжелое наследие культурной пропаганды со времени первой мировой войны. Любопытно, что в Лондоне, Берлине и Брюсселе понимали абсурдность подобной ситуации, но тем не менее политика брала верх и по-прежнему определяла общую атмосферу в двустороннем научном и культурном обмене Германии с этими государствами.

Так, 4 ноября 1926 г. германский посол в Лондоне Штамер сообщал в МИД о своих переговорах с генералом Герцогом, который выражал надежду на то, что наследие военной пропаганды со стороны Германии по отношению к Англии будет преодолено «в ближайшем будущем» [28]. Берлин закупал также пропагандистскую литературу в Англии для того, чтобы использовать ее в культурно-пропагандистской работе

против Польши [28, Bd.8. S. 502]. Упомянем в этой связи докладную записку советника третьего отдела германского МИДа Бернгардта Вильгельма фон Бюлова от 18 сентября 1928 г. о бельгийской военной и культурной пропаганде против Германии. Бюлов советовал не обращать внимания на эту проблему, т. к. не был уверен в том, что «мировая общественность сегодня интересуется только этой бельгийской ложью» [28, Bd. 10. S. 95-96]. По его информации, 95 % бельгийской и 99 % немецкой литературы на эту тему просто выбрасывается в макулатуру, т. к. сама тема уже устарела. Что касается распространения подобной литературы, то Берлину следует это делать, потому что из Бельгии она не перестала в массовом масштабе завозиться в Германию.

В Берлине внимательно следили за настроениями интеллигенции в этих странах и приветствовали малейшее проявление симпатий к Германии и немцам, особенно со стороны Англии. Так, в июле 1926 г. журнал «Западная Европа» опубликовал статью Германа Хааса «Немецкая культура в интерпретации англичан», в которой отмечалось имя английского историка культуры автора «Истории современной Европы» Георга Гооха. В 1925 г. в Лондоне он издал книгу «Германия», в которой пересмотрел вопрос об ответственности немцев за войну, называя их «братским народом» [29]. Г. Хаас подчеркивал, что эта книга послужит хорошую службу самим немцам и другим «интеллигентам за границы».

Таким образом, если в «восточном варианте» германской внешней культурной политики прослеживалось больше стремления к активной духовной поддержке немецкого «фолькстум» и желание к максимальному наращиванию культурных инициатив как нации, выполняющей т.н. «культуртрегерскую миссию», то в «западном варианте» духовные инициативы Берлина были направлены в основном на то, чтобы пробить брешь в антантовской политике «тотального молчания» вокруг немецкой науки и культуры, войти в содружество высококультурных, цивилизованных стран и народов Западной Европы и Северной Америки, одновременно и параллельно решая проблемы немецкой диаспоры в т.н. приграничных областях, а также в Австрии и Швейцарии.

США и Канада

Влияние культуры и культурной политики Германии на этот регион после войны серьезно ослабло. США и Канада еще в годы войны ограничили и свели до минимума преподавание немецкого языка в школах, включая немецкие, а также подвергли значительному сокращению немецкие печатные издания, которые выходили здесь. Так если в 1914 г. в США издавалось на немецком языке почти 500 наименований прессы, журналов и литературы, то в 1922 г. – уже только 185 [30]. Если учесть, что в США и Канаде число немецких переселенцев продолжало оставаться большим (в 1930 г. – 8, 5 млн. немцев в США и 350 тыс. переселенцев в Канаде) [31], то духовно-культурная поддержка «фолькстум» в этом регионе и культурные инициативы по отношению к ним со стороны официального Берлина и земельных правительств становились приоритетным направлением германской внешней культурной политики на североамериканском континенте. Особенно трудной продолжала оставаться ситуация вокруг преподавания немецкого языка в США. По данным журнала «Немецкий труд», в 1928 г. в Нью-Йорке проживало 700 тыс. немцев, а на немецком языке здесь обучалось только 7 354 школьника [32].

Второе, что беспокоило Берлин в области внешней культурной политики, когда речь шла о США и Канаде, – это противодействие политике «тотального молчания» вокруг немецкой науки и культуры и контр-пропагандистские акции и кампании против лжи о единоличной ответственности Германии за развязывание первой мировой войны. Консервативные силы Германии относили сюда же непринятие и противодействие т.н. «американизму», американскому образу жизни и основным идеалам и ценностям западноевропейской и североамериканской цивилизаций. Правда, с течением времени становилось ясным, что культурно-пропагандистские акции против США ничего хорошего не дадут, а приведут лишь к нежелательным для Германии последствиям в области научно-технических и культурных обменов. Кроме того, ставка на культурную пропаганду вокруг традиционной тематики (ложь о войне, политика «тотального молчания», ущемление прав немцев в США и Канаде и т.д.) со временем устаревала и не могла оставаться надолго, хотя и имела место, во внешней культурной политике буржуазно-демократического государства. Касаясь этой проблемы в мае 1930 г., например, германский посол в США Фридрих Притвиц и Гаффон в своем письме на Вильгельмштрассе отмечал, что политическая и иная пропаганда в США уже не находит успеха и что в этой области Берлину не следует утверждать себя. Наоборот, необходимо делать ставку на иные формы работы и учитывать тот факт, что в американских университетах снова растет интерес к изучению немецкого языка и литературы [33].

Наконец, третье, что нам хотелось бы отметить, говоря о германской внешней культурной политике периода Веймарской республики в отношении к Северной Америке, -- это тот факт, что демократические силы и немецкие либералы в основной своей массе стремились ориентировать науку и культуру своей страны именно на США, считая американскую науку и культуру, североамериканскую цивилизацию в целом, наиболее перспективной для будущего Германии, ее науки и культуры, что находило отражение в многочисленной литературе, дискуссиях в рейхстаге и среди общественности. Типичной в этом плане, например, является изданная в 1925 г. в Вене и Лейпциге брошюра Пауля Венграфа «Америка, Европа, Россия» [34]. Европейский индивидуализм и европейская духовная культура, подчеркивал автор, ныне все более вытесняются американским коллективизмом и американской цивилизацией. Вся духовная оппозиция Западной Европы выступает против культурного воздействия американизма, где на первом месте ценности цивилизации, а не культуры (наука и техника, а не искусство). «В противостоянии и борьбе между европейской культурой и этой цивилизацией, – писал П. Венграф, – заключена собственная духовная проблема нашего времени» [34, S. 7]. Европа переживает распад традиционной культуры и культурных ценностей. В этой ситуации американский коллективизм (коллективизм богатых) не менее опасен для Европы, чем большевистский коллективизм (коллективизм бедных) в Советском Союзе.

Интересен вывод, к которому пришел П. Венграф: «Американский коллективизм есть эволюционный, он является хозяйственнее, национальнее и даже культурнее по своей натуре... Русский коллективизм не является эволюционным и хозяйственным, а революционным и политическим» [34, S. 41-43]. Поэтому для Европы предпочтительнее американская цивилизация и для Германии жизненнее формула «Европа-Америка, Культура-Цивилизация» [34, S. 63].

Можно называть другие издания, в т.ч. знаменитого П. Рорбаха и его книгу «Америка и мы», вышедшую в 1926 г. в Берлине на 204-х страницах, в которой автор высоко оценивал уровень развития науки и университетского образования в США [35]. Годом ранее появилась монография Германа Шеффайера «Духовная Америка сегодня». В рецензии на нее доктор Карл Хайер в журнале «Западная Европа» писал, что Г. Шеффайер относится к тем «глашатаям европейского искусства и культуры в Америке», которые в здравом смысле слова оказывают влияние на духовную жизнь в США и на континенте в целом [36].

Таким образом, практически сразу после первой мировой войны в германо-североамериканском научном и культурном обмене имелись факторы, которые могли не только возродить утерянное, но и продвинуть сотрудничество обеих стран и народов в этой области далее. Уже в начале 20-х годов с США и Германии имелись политики и общественные деятели, которые понимали жизненную необходимость всего этого и которые стали действовать в направлении возрождения утерянных за годы войны научных и культурных связей. Правда, процессы эти шли неровно и с большими трудностями. Так, например, с трудом возрождалось германо-американское историческое общество в Иллинойсе, довольно известное и многочисленное до войны. В 1919 г. общество поддерживало финансами и своей деятельностью только 62 человека, собравшие 726 долларов. В 1920 г. оно объединяло уже 103 активных члена и 6.684 доллара в кассе. В 1921 г. 38 членов общества сдали в кассу еще 893 доллара [37].

К середине 20-х гг. студенческий и научный обмен между Германией и США достиг довольно высокого уровня и продолжал нарастать. В качестве примера мы приводим здесь две небольшие таблицы, которые свидетельствуют о том, что в студенческом обмене Германия и США стали близкими партнерами [38]:

Обучение в Германии и США иностранных студентов

В Германии обучалось							
Из	1924/25	1926/27	1927	1928	1928/29	1929/30	
Великобритании и Ирландии	62	92	72	72	69	102	
Франции	27	5	20	26	33	43	
США	79	138	101	147	176	262	
В США обучалось							
Из	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1928/29
Германии	49	63	79	121	124	183	360
Франции	121	144	126	128	90	103	122
Великобритании и Ирландии	158	158	201	201	251	275	442

Аналогичная ситуация складывалась в научном и культурном обменах. В качестве примера мы назовем деятельность Американского института по развитию герма-

но-американских научных и культурных связей. Свою деятельность он начал еще до войны, с 1 января 1911 года, когда, как говорится в архивах, возникло «желание с немецкой стороны доверить особое положение обмену служебными и научными печатными изданиями между Германией и Соединенными Штатами Америки, который должен также содействовать культурным связям с Америкой» [39]. «Американский институт, – подчеркивалось в обзоре отчета о его деятельности за 1931-1932 гг., – является посредническим учреждением по содействию дружественным связям в культурной области между Германией и Соединенными Штатами» [39, Л. 1]. Когда в 1927 г. была создана Имперская служба обменов, Американский институт становился даже одним из ее ключевых подразделений (по обмену литературой).

Работа института охватывала восемь областей: научный и студенческий обмен, службу доставки, книгообмен, обмен прессой и журналами, копирование материалов, финансы, справки и посредничество в двусторонних контактах. К началу 30-х гг. Американский институт был связан, как говорилось в отчетах о его деятельности, длительным сотрудничеством с 600 фирмами и отдельными авторами [39, Л. 76]. Тогда же институт обрабатывал более 60 почтовых пакетов из США ежемесячно, которые затем рассылались в Германии более чем 3500 адресатам [39, Л. 71]. В их числе – германское МИД, министерство внутренних дел, министерства юстиции, обороны, хозяйства, Рейхсбанк, земельные учреждения, архивы и библиотеки, институты и т.д. Получало корреспонденцию и другие необходимые материалы через посредничество института Бюро рейхспрезидента [39, Л. 27]. Из отчета о деятельности Американского института в Берлине за 1931-32 гг. видно, что только за это время он оказал помощь в подборке нужных материалов для 99 американских и 91 немецкого ученого. Здесь же названо еще 49 примеров посреднической деятельности [39, ЛЛ. 1-18, 79-84]. Институт также содержал массу студентов-стипендиатов с обеих стран. Здесь читались многочисленные семинары, имелась отличная библиотека (ежегодно пополнялась более чем на 1000 наименований) и прекрасная подборка журналов из почти 160 наименований [39, ЛЛ. 19-21, 73-74]. Обмен печатной продукцией и США велся в объеме 9500 рейхсмарок в среднем ежегодно, по годам картина выглядела следующим образом [39, Л. 97].

Обмен печатной продукцией с США Американского института в Берлине (в рейхсмарках)

1927	11. 175
1928	11. 394
1929	11. 861
1930	9. 110
1931	8. 833

Заметим, что это лишь только один пример плодотворного научного сотрудничества и посреднических обменов в германо-североамериканских отношениях в 20-е – начале 30-х гг., занимавшего существенное место и значение в германской внешней культурной политике в ее «западном варианте» в годы Веймарской республики. На на-

чало 1933 г. в Германии насчитывалось, кроме Американского института, еще 11 организаций, учреждений и союзов, которые имели плотные научные и культурные контакты с США [39, Д. 86. Л. 1]. В их числе Союз немцев за границы, Союз для немцев за границей, Немецкая служба академических обменов, Германская академия в Мюнхене, Германский институт для иностранных студентов при Берлинском университете, Немецкий институт за границы в Штутгарте, Общество друзей США в Гамбурге и другие.

С 1925 г. Американским институтом в Берлине руководил профессор Вернер Рихтер. Организационно он и институт в целом были подотчены прусскому министерству культов, которое в начале 30-х годов выделяло на его работу 20 тыс. рейхсмарок. Кроме того, 9 тыс. рейхсмарок направлял культурный отдел германского МИДа и некоторую сумму – министерство внутренних дел. В конечном итоге в 1931 г., например, институт получил от них 40 тыс. рейхсмарок [39, Л. 2].

Можно много говорить о культурных контактах Германии и США и о разнообразных формах и средствах культурного влияния и даже культурной пропаганды в отношении Северной Америки, которые применялись в германской внешней культурной политике в рассматриваемый нами период. Из всего этого многообразия выделим кино, которое стало занимать важнейшее место во внешней культурной политике и культурном сотрудничестве обоих государств.

Германский киноэкспорт в США в конце 20-х гг. заметно активизировался. Согласно данным Торговой палаты СССР, в 1929 г. в США было импортировано 145 игровых фильмов из 22 стран (для сравнения: в 1928 году – 95 из 15 государств). Германия из их общего числа явно шла впереди, о чем свидетельствуют следующие данные [40]:

Импорт игровых и других фильмов в США

Страны	1929 год	1928 год
Германия	46	83
Англия	28	37
Франция	19	31
Италия	4	6
Австралия	3	0
Новая Зеландия	3	0
Австрия	2	2
Индия	2	1
Турция	2	0
Канада	0	2

Обратив внимание на то, что несмотря на жесткие ограничительные меры со стороны США, Германия, сократив свой киноэкспорт в Северную Америку, как и в другие государства, сумела сохранить лидерство на американском кинорынке, укрепляя его далее. 15 июня 1931 г. информационный бюллетень «Межрабпом-фильма» сообщал: «Американский газетный магнат Герст сдал в аренду Германскому Акционерному Обществу «УФА» свое помещение Космополитэн-театр на 1. 200 мест... В этом театре

преимущественно будут демонстрироваться фильмы на немецком языке. Общество «УФА» предполагает открыть свои кинотеатры в Чикаго, Мильвоке, ст. Луиз и Цинцинатти» (перепечатка из «Лихтбильдбюне» от 13 и 18. У. 31 г.) [40, Д. 269. Л. 63].

Что касается ввоза американских фильмов в Германию, то их импорт по сравнению с 1929 г. в 1930 г. более чем удвоился, а более общая картина выглядела следующим образом [40, Д. 266. Л. 35-35 об.]:

Экспорт фильмов из США:

В Англию	23. 677. 037 фунтов фильм стоимостью 1. 098. 434 долларов
Францию	13. 445. 037 311. 466
Австралию	11. 916. 627 295. 967
Аргентину	8. 781. 479 249. 792
Канаду	8. 649. 511 352. 511
Германию	7. 875. 256 216. 139

С осени 1930 г. США стали еще более настойчиво искать пути активизации киноэкспорта в Западную Европу, где Германии и ее кинорынку отводилось немаловажное значение [40, Л. 34 об.].

Л и т е р а т у р а

1. *Düwell K.* Deutschlands auswärtige Kulturpolitik. 1918-1932. Grundlinien und Dokumente. Köln-Wien, 1976. S. 180-181.
2. *Düwell K.* Der Einfluß des deutschen technischen Schul- und Hochschulwesens auf Ausland (1870-1930) // Interne Faktoren auswärtiger Kulturpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1981. Bd. 16. Teil 1. S. 253.
3. *Künstler-Almanach 1932.* Das Handbuch für Bühne, Konzert, Film und Funk. Berlin, 1932. S. 19-130.
4. *Die Kunst.* Monatshefte. 1925. Nr. 1. S. 13-14; Nr. 2. S. 10.
5. *Kunst und Künstler.* 1926. Nr. 7. S. 295-296.
6. *Düwell K.* Deutschlands auswärtige Kulturpolitik. S. 185-186.
7. *Siehe: Bonoly F., Abelein M.* Deutschland und Frankreich, Geschichte einer wechselvollen Beziehungen. Düsseldorf und Wien, 1973. S. 54-55.
8. *Deutschland und Frankreich.* Ihre Wirtschaft und ihre Politik. Neue Folge, 1925. S. 168-170.
9. *Abendland.* Deutsche Monatshefte für europäische Kultur, Politik und Wirtschaft. Köln-Berlin- Wien, 1927.
10. *Minerva-Zeitschrift.* Nachrichten für die gelehrnte Welt. Berlin, 1927. Nr. 11-12. S. 278-282.
11. *Akten zur deutschen auswärtigen Politik.* 1918-1945. Serie B. 1925-1933. Bd. 1.1. Göttingen, 1974. S. 35-37.
12. НА РБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 269. Л. 165 об.

13. *Das Deutschtum im Ausland*. Berlin, 1925. – 168 S.
14. *Boelitz O.* Das Grenz-und Auslandsdeutschtum. Seine Geschichte und seine Bedeutung. München und Berlin, 1930. S. 3.
15. *Der deutsche Gedanke*. Zeitschrift für auswärtige Politik, Wirtschaft und Auslandsdeutschtum. Berlin, 1925. Nr. 19. S. 783.
16. ЦХИДК РФ. Ф. 1357. Оп. 3. Д. 150. Л. 32 об.
17. *Akten zur deutsche auswärtigen Politik*. 1918-1945. Serie B. 1925-1933. Bd. 5. S. 87.
18. НА РБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 269. Л. 101 об.
19. *Schreiber G.* Deutschland und Österreich. Deutsche Begegnungen mit Österreichs Wissenschaft und Kultur. Köln-Graz, 1956. S. 103.
20. *Die andere Achse. Italienische Resistenza und geistiges Deutschland*. Berichte. Hamburg, 1964. S. 7-60; Deutsche Buch auf zweiten internationalen Buchmesse in Florenz 1925. Leipzig, 1925. – 187S.; Michaelis H. Deutsche Kunst im Ausland // Süddeutsche Monatshefte. 28. Jg. München, 1931. H. 4. S. 252-256.
21. *Akten zur deutschen auswärtigen Politik*. 1918-1945. Serie B. 1925-1933. Göttingen, 1974-1983. Bd. 8. S. 184.
22. ЦХИДК РФ. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 1. Л. 246.
23. *Minerva-Zeitschrift*. Nachrichten für die gelehrnte Welt. Berlin, 1926. Nr. 4. S. 73.
24. *Deutsche Arbeit*. Grenzlandzeitschrift. 1928. Nr. 8-9. S. 246.
25. *Minerva-Zeitschrift*. Nachrichten für die gelehrnte Welt. Berlin, 1925. Nr. 3. S. 93.
26. *Abendland*. Deutsche Monatshefte für europäische Kultur, Politik und Wirtschaft. Köln-Berlin-Wien, 1926. Nr. 11. S. 339.
27. *Beck Fr.* Ausländerstudium im Ausland und in Deutschland. // Süddeutsche Monatshefte. 28. Jg. München, 1931. H. 4. S. 249.
28. *Akten zur deutschen auswärtigen Politik*. 1918-1945. Serie B. 1925-1933. Göttingen, 1974-1983. Bd. 3. S. 423.
29. *Abendland*. Deutsche Monatshefte für europäische Kultur, Politik und Wirtschaft. Köln-Berlin-Wien, 1926. Nr. 10. S. 317-319.
30. *Mannhart H.* Auslandsdeutschtum // Politisches Handwörterbuch. Leipzig, 1923. Bd. 1. S. 127.
31. *Boelitz O.* Op. cit. S. 174.
32. *Deutsche Arbeit*. Grenzlandzeitschrift. 1928. Nr. 10. S. 276.
33. *Akten zur deutschen auswärtigen Politik* 1918-1945. Serie B. 1925-1933. Göttingen, 1974-1983. Bd. 15. S. 38-39.
34. *Wengraf P.* Amerika, Europa, Russland. Wein/ Leipzig, 1925. – 63 S.
35. *Rorbach P.* Amerika und wir. Reisebetrachtungen. Berlin, 1926. S. 133-142.
36. *Abendland*. Deutsche Monatshefte für europäische Kultur, Politik und Wirtschaft. Köln-Berlin-Wien, 1926. Nr. 1. S. 30.
37. *Deutsche-amerikanische historische Gesellschaft von Illinois*. Jg. 1920-1921. Chicago, 1922. S. 480-481.
38. Beck Fr. Jp. cit. S. 249.
39. ЦХИДК РФ. Ф. 1458. Оп. 23. Д. 13. Л. 96
40. НА РБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 238. Л. 82.